

Удар был несильным, но звонким.

В нём сквозило сплошное упрямое кокетство. Будто кошка протянула лапу и шлёпнула тебя по руке, словно говоря: «Не трогай меня, но ты мне неприятен».

Сириус замер на месте.

Он ещё не успел опомниться, как Кролла подняла лицо.

Её щеки покраснелись, то ли оттого, что она долго сидела на корточках, то ли по какой-то другой причине.

Уголки её глаз слегка приподнялись, излучая нескрываемое торжество.

На лице не было ни слезинки, ни покрасневших век, ни малейшего следа обиды — оно было совершенно чистым.

В глубине глаз плескалось лукавое веселье — та самая улыбка в духе: «ха-ха-ха, ты попался», но вовсе не раздражающая, потому что способ, которым он попался, был донельзя глупым.

Сириус уставился на неё в молчании.

Его провели.

Этот мелкий вредный девчонка обвел его вокруг пальца.

Вся его недавняя паника, растерянность, чувство вины и даже мысли о том, что он круглый идиот — всё разом превратилось в шутку.

Он стоял в рыночном переулке, прямо над головой палило солнце двух-трех часов дня, а рядом находилась палатка, торгующая подержанными динамиками.

А перед ним находилась присевшая на корточки девчонка со связанными шнурками, которая ухмылялась так, будто только что сперла три рыбины.

Он чувствовал, что должен разозлиться.

— Ты...

Он попытался подняться и отпрянуть, но едва успел сделать полдвижения, как Кролла

опередила его.

Она протянула руку, вцепилась в его воротник и резко притянула к себе.

Сириус совершенно этого не ожидал.

Он пошатнулся, едва не ударившись коленями о землю, и кое-как уперся рукой в соседнюю каменную плиту.

Расстояние между ними сократилось мгновенно — настолько близко, что он мог разглядеть изгиб её ресниц, настолько близко, что её дыхание оведало его подбородок.

— Разве я не велела тебе ждать меня!

Она задрала лицо, в её взгляде читался дерзкий и свирепый каприз.

Они простояли так, глядя друг другу в глаза, секунду. Может быть, три.

А может, всего лишь одну.

Но этот миг растянулся невероятно далеко — настолько, что Сириус успел сосчитать цвета в её глазах: оливково-зеленый ободок снаружи, а ближе к зрачку — тонкое кольцо мягкого янтарного оттенка, похожее на просвечивающий на солнце лист.

Черт, подумал он. Какая она классная.

Нет. Какая красивая. Нет. Не классная и не красивая. А —

У него кончились слова. Его словарный запас в тот момент сжался до уровня трехлетнего ребенка.

Кролла тоже разглядывала его.

На расстоянии вытянутой руки в этих туманно-серых глазах отражались изумление, смущение и та самая паника из разряда «куда мне теперь смотреть».

Кончики её ушей покраснели, от мочек до самых вершущек, словно их намалевали цветной кисточкой.

Черт, подумала она. Какой он красивый.

Она не произнесла этого вслух. И он тоже ничего не сказал.

Оба проглотили это слово, проглотили глубоко-глубоко, сделав вид, будто его и не существовало.

Лицо Сириуса залилось краской — не слегка порозовело, а покраснело так, что у него горела вся шея.

Он испытывал одновременно стыд и досаду, в его серо-голубых глазах застыло изумление.

Он попытался отпрянуть, но на беду она вцепилась мертвой хваткой в его воротник, словно тисками зажала, так что вырваться не получалось ни на дюйм.

В его голове пронеслось вихрем: я могу освободиться.

Я парень, я выше её ростом, сильнее физически, я запросто могу одной рукой разжать её пальцы, встать и уйти.

Но его руки так и висели неподвижно вдоль боков.

Он понятия не имел, почему не шевельнется.

— Ты издеваешься надо мной? — процедил он сквозь зубы.

Однако в голосе не было и следа той жесткости, которой он добивался.

Кролла не разжала пальцев, сжимавших его воротник, лишь слегка надавила кончиками.

Она смотрела на него снизу вверх, сердито сверкая глазами, но в уголках тех же глаз искрилось лукавое веселье, не оставляя и следа от недавнего жалкого вида.

— Кто просил тебя быть таким детским садом, — произнесла она голосом капризным и дерзким. — Еще и пререкаться? Ты сам напрошил.

Она окинула Сириуса оценивающим взглядом.

Обыкновенно заносчивый и вызывающий юный аристократ сейчас стоял со сжатым воротником, раскрасневшимися кончиками ушей и бегающим взглядом, растеряв всю свою недавнюю спесь.

Он наверняка жалел — вовсе не о том, что подшутил над ней, а о том, что не удрал вовремя после этой шутки.

Обида Кроллы рассеялась больше чем наполовину. Но руку она не отпустила.

Она разжала пальцы на его воротнике — и тут же молниеносным движением сдернула с его плеча кожаную сумку.

Движение было отточено, как на репетиции.

Пальцы подцепили ремень, рывок, взмах — и сумка оказалась у неё в объятиях.

Всё заняло меньше секунды. Сириус даже не успел опустить голову, чтобы заметить исчезновение своего имущества.

— Верни! — всполошился Сириус.

Внутри лежала купленная им только что виниловая пластинка, всякие полезные мелочи, а главное — там находилась его волшебная палочка. И всё это оказалось в её руках.

Кролла отступила на два шага назад, прижимая сумку к груди, и свысока посмотрела на оставшегося на корточках парня.

Она приподняла бровь и потрясла сумку в руке, изнутри донесся глухой перестук вещей.

— Хочешь? — спросила она. — Пожалуйста. Сначала признай вину.

Сириус поднялся.

— Чего ты хочешь? — глухо бросил он.

— Всё просто. — Кролла прижала сумку к себе и отступила еще на пару шагов, восстанавливая безопасную дистанцию.

Она опустила взгляд на собственные туфли со сплетенными шнурками, а затем указала на землю подбородком.

— Ты только что нарочно надо мной подшутил. А теперь давай-ка честно развяжи мне шнурки, аккуратно перевяжи их заново и смотри мне без всяких фокусов.

Она помедлила.

— И извинись передо мной.

Сириус посмотрел на то, как она прижимает к груди его сумку с видом не отдам, пока не согласишься, а потом перевел взгляд на те самые искусно завязанные им узлом шнурки на её ногах.

Он выглядел полным дураком.

Сириуса одновременно распирало от злости и смеха.

— Ладно, — вымолвил он.

Он снова присел на корточки.

Его пальцы ухватились за серединку первого узла, легкое движение — и узел ослаб.

Еще одно движение — и второй шнурок тоже распустился.

Он действовал словно реставратор древних реликвий: расправил каждый перекрученный шнурок, выровнял их и тщательно завязал бантиком.

Это был не абы какой бантик.

А самый настоящий: симметричный, с одинаковыми петельками, который не развяжется после первых же двух шагов.

Пока он завязывал узлы, он что-то бормотал себе под нос.

Звучало тихо, Кролла не могла разобрать слов, но видела, как шевелятся его губы.

Не умеешь шнурки завязывать — какого черта носишь обувь на шнурках... — прочитала она по губам.

— Ты что сказал?!

Кролла наклонилась, силясь расслышать, как он её ругает.

Сириус тут же захлопнул рот, губы вытянулись в тонкую линию, а на лице застыло невинное выражение обиженного младшеклассника.

— Ничего не сказал!

— Хм! Смотри у меня!

Разобравшись со шнурками на обеих туфлях, Сириус выпрямился.

Стоило ему распрямиться, как он вновь превратился в того же высокого, горделивого юношу, казавшегося чужеродным элементом на этом хаотичном рынке — разве что кончики его ушей по-прежнему пылали алым.

Кролла с сумкой в обнимку стояла перед ним, ожидая продолжения.

Он посмотрел на её надменную физиономию — задранный подбородок, сжатые губы, а в оливково-зеленых глазах четко читалось: быстрее давай.

Он смущенно отвел взгляд, уставившись на столб с расклешенными афишами какой-то неведомой ему группы.

— ...Я виноват, — выдохнул он тихо и скороговоркой, словно зачитывая заклинание, которое никому не должен был слышать. — Не следовало над тобой подшучивать, и пререкаться тоже не стоило.

Закончив, он украдкой бросил на неё быстрый взгляд, проверяя, не потребует ли она заявить, что извинения неискренни или что всё нужно повторить сначала.

Обошлось. Выражение её лица выражало лишь удовлетворение — из разряда сойдет.

Кролла фыркнула.

И швырнула сумку обратно — не со зла, а просто бросила по легкой параболе прямо ему в грудь.

Сириус кое-как поймал её на лету, ремень качнулся на руке, издав глуховатый стук.

— На этот раз я тебя прощаю, — надменно бросила Кролла, не теряя своего милого высокомерия. — Если еще раз вздумаешь пошутить надо мной, так просто отделаться не выйдет.

С этими словами она развернулась и зашагала прочь.

Шаги были легкими, тяжелые ботинки звонко стучали по каменным плитам, шнурки были затянуты туго, бантики лежали аккуратно и крепко, не развязываясь на ходу.

Басовый кофр покачивался за её спиной, а винно-красные пряди отливали теплым золотом под лучами полуденного солнца.

Сириус замер на месте, прижимая к груди сумку, и смотрел вслед её быстро удаляющейся фигуре.

Он коснулся пальцами собственного воротника.

Там, где она его сжала, остался легкий залом, и он разгладил его большим пальцем. Ткань уже остыла, но в месте касания его пальцев всё еще чудился слабый остаток тепла.

— Какого черта, — пробормотал он про себя так тихо, что слышал только он сам. — Чего это она вдруг ушла.

<http://bllate.org/book/22381/2348025>